

Дженни Хан
Мухан Бакбен

18+

ОКО
за око

От автора
бестселлера
«Всем парням,
которых
я любила»

Вместе и навсегда

Дженни Хан

Око за око

«Издательство АСТ»

2012

УДК 821.111(73)
ББК 84(7 Сое) 44

Хан Д.

Око за око / Д. Хан — «Издательство АСТ», 2012 — (Вместе и навсегда)

ISBN 978-5-17-108771-5

Жизнь на тропическом острове похожа на рай: бескрайние пляжи, лазурный океан, утопающие в зелени домики, раскинувшиеся вдоль береговой линии. Но не для трех подруг, которые вот уже не первый год жаждут мести. Кэт устала от постоянных нападков и издевательств бывшего лучшего друга. Лилия, которая больше всех на свете любит свою младшую сестру, внезапно узнает, что ее хороший приятель надругался над ней. Мэри никак не может справиться с психологической травмой, причиненной бывшим одноклассником, тем более, что обидчик остался безнаказанным. Девушки не решаются мстить поодиночке, но, объединившись, они способны на многое, ведь месть – это блюдо, которое подают холодным.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7 Сое) 44

ISBN 978-5-17-108771-5

© Хан Д., 2012

© Издательство АСТ, 2012

Содержание

МЭРИ	6
ЛИЛИЯ	8
КЭТ	11
Глава первая	15
Глава вторая	19
Глава третья	22
Глава четвертая	25
Глава пятая	32
Глава шестая	34
Глава седьмая	38
Глава восьмая	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Дженни Хан, Шиван Вивьен

Око за око

Jenny Han, Siobhan Vivian

BURN FOR BURN

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Folio Literary Management, LLC
и Prava I Prevodi International Literary Agency.

Copyright © 2012 by Jenny Han and Siobhan Vivian

© Д. Селиверстова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2018

*Нашим бабушкам,
Кионг Хи Хан и Барбаре Вивьен.*

МЭРИ

Утренний туман окрашивает все вокруг в белый цвет. Прямо как в том сне, когда я зави-
саю в облаке, будто бы застряв в кроличьей норе, и не могу проснуться.

Но вот, как по сигналу сирены, мгла расступается, превращаясь в тонкое кружево, и я
вижу остров Джар Айленд, расстилающийся за горизонтом, точь-в-точь как на картинах тети
Бэтт.

И лишь в этот миг я осознаю, что действительно вернулась.

Один из работников порта толстой веревкой привязывает паром к причалу. Другой опу-
скает мостик. Из громкоговорителя раздается голос капитана: «Доброе утро, уважаемые пасса-
жиры! Добро пожаловать на Джар Айленд! Пожалуйста, не забывайте свои вещи».

Я почти забыла, как здесь красиво. Солнце уже поднялось над водой и озаряет все ярким
желтоватым светом. В оконном стекле я вижу свое расплывчатое отражение: бледные глаза,
приоткрытые губы, спутанные ветром светлые волосы. Я уже не та девочка, что уехала отсюда
в седьмом классе. Разумеется, я стала старше, но дело не только в этом. Я изменилась. Глядя
на себя, я вижу сильную личность и, возможно, красивую девушку.

Интересно, он меня узнаёт? Часть меня надеется, что нет. Но другая, та, что оставила
родителей и вернулась сюда, хочет, чтобы узнал. Должен узнать. А иначе в чем смысл?

С грузовой палубы доносится грохот двигателей заводящихся автомобилей, готовых въе-
хать на остров. На берегу их еще больше: они выстроились в длинную очередь, растянувшуюся
до самой парковки, и готовятся заехать на борт, чтобы вернуться на материк.

Осталась еще одна неделя летних каникул. Я отхожу от окна, разглаживая свой полосатый
сарафан, и возвращаюсь на место, чтобы забрать вещи. Место рядом со мной свободно. Я
запускаю руку под сиденье, пытаюсь кое-что нащупать. Я знаю, они там, его инициалы: Р. Т.
Я помню день, когда он вырезал их армейским швейцарским ножом просто потому, что ему
так захотелось.

Интересно, на острове что-нибудь изменилось? В кафе «Молочное утро» до сих пор про-
дают самые вкусные черничные маффины? В кинотеатре на главной улице все те же бугристые
кресла, обтянутые зеленым бархатом? Как сильно разросся куст сирени у нас во дворе?

Странно чувствовать себя туристом: семья Зейн жила на Джар Айленде почти вечность.
Мой прапрапрадедушка спроектировал и построил библиотеку. Мамина тетя была первой жен-
щиной, избранной на пост главы правления Мидлбери. Наш семейный участок находится в
самом центре кладбища посередине острова, и некоторые надгробия настолько состарились и
заросли мхом, что и не разберешь, кто там похоронен.

Джар Айленд состоит из четырех городков: Томастауна, моего родного Мидлбери, Уайт
Хэвена и Кэноби Блафса. В каждом из них своя средняя школа и всего одна старшая – Джар
Айленд Хай. Летом население вырастает до нескольких тысяч отдыхающих. Но только около
тысячи человек живет здесь круглый год.

Мама говорит, что Джар Айленд никогда не меняется. Это будто отдельная вселенная.
Есть в острове нечто особенное, что вызывает ощущение, будто мир перестал вращаться. Но
в этом весь его шарм, и поэтому так много людей любит проводить здесь лето, а местные пре-
одолевают все сложности, чтобы жить здесь круглый год, как делала наша семья.

Отдыхающие ценят то, что на Джар Айленде нет ни одного сетевого магазина, торгового
центра или ресторана быстрого питания. Отец говорит, что существует около двухсот зако-
нов и постановлений, делающих их строительство здесь невозможным. Продукты покупают
на местных рынках, лекарства по рецептам получают в аптеках, которые до сих пор продают
газировку, а пляжное чтиво выбирают в частных книжных лавочках.

Еще одна особенность Джар Айленда в том, что это настоящий остров. Он не соединяется с материком ни мостами, ни туннелями. Здесь есть однополосное взлетное поле, которым пользуются только богачи с частными самолетами, но в остальном все люди и вещи, оказавшиеся на острове, приплывают и уходят на этом пароме.

Я беру чемодан и следую за оставшимися пассажирами. Причал ведет прямо в гостевой центр. Снаружи припаркован старый школьный автобус 1940 года с надписью «ЭКСКУРСИИ ПО ДЖАР АЙЛЕНДУ». Сейчас его моют. Через квартал отсюда – Главная улица, яркая полоса сувенирных магазинов и кафе. Надо всем этим возвышается холм Мидлбери. Я нахожу его за секунду. Из-за солнца я прикрываю глаза рукой, но моментально вижу красную пологую крышу моего старого дома на самой вершине холма.

Мама выросла в этом доме вместе со своей сестрой, тетей Бэтт. Моя комната, окна которой выходят на море, раньше была тетиной спальней. Теперь тетя Бэтт живет в доме одна, и мне интересно, спит ли она снова в этой комнате.

Я единственная племянница тети Бэтт. Своих детей у нее нет, она не научилась сюсюкаться и всегда обращалась со мной как с взрослой. Мне это нравилось, с ней я чувствовала себя старше. Когда тетя спрашивала меня о своих картинах, об ощущениях, которые они у меня вызывают, она действительно слушала, что я говорю. Правда, она никогда не была той тетей, с которой можно было валяться на полу, собирая пазл, или вместе печь печенье. Но мне это было и ненужно. Для этого есть мама и папа.

Иногда я думаю, что было бы здорово жить с тетей Бэтт теперь, когда я стала старше. Родители относятся ко мне как к ребенку. Идеальный пример: мне до сих пор не разрешают гулять дольше десяти вечера, хотя мне уже семнадцать лет. Правда, после всего, что случилось, я могу понять их чрезмерное стремление меня опекать.

Путь домой занимает больше времени, чем я помню. Может, из-за чемоданов. Увидев въезжающую на холм машину, я поднимаю вверх большой палец. Местные часто голосуют на Джар Айленде. Здесь это абсолютно приемлемо, просто способ помочь соседям. Мне никогда не разрешали так делать, но теперь наконец-то родители не следят за каждым моим шагом.

Ни одна из машин меня не подбирает. Обидно, но всегда есть завтра или послезавтра. В моем распоряжении все время мира, чтобы ездить автостопом и вообще делать все что душе угодно.

Я даже не замечаю, как прохожу мимо своего дома, и приходится возвращаться обратно. Кусты выросли такими большими и щетинистыми, что закрыли собой все строение, и его почти не видно с дороги. Ничего удивительного! В отличие от мамы, тетю Бэтт совершенно не интересует садоводство.

Я волочу чемоданы несколько последних метров и смотрю на дом, трехэтажный особняк в колониальном стиле. Крыша обложена кедровой черепицей, к каждому окну приделаны белые ставни, двор обрамляет каменная ограда. Старое «вольво» тети Бэтт припарковано во дворе и покрыто одеялом крошечных фиолетовых цветков.

Куст сирени. Он вырос больше, чем я могла представить. И хотя много цветков уже опало, ветви все еще прогибаются под весом миллионов оставшихся. Я вдыхаю аромат так глубоко, как только могу.

Хорошо быть дома.

ЛИЛИЯ

На дворе конец августа, снова эта пора, когда до начала учебного года остается всего неделя. На пляже все еще толпы, но не такие, как четвертого июля. Я лежу на большом покрывале с Ренни и Алексом. Рив и Пи-Джей где-то неподалеку, бросают друг другу фрисби, а Эшлин и Дерек плавают в океане. Мы дружим с девятого класса. Сложно поверить, что мы наконец-то выпускники.

Солнце такое яркое, и я буквально чувствую, как цвет моего загара становится все более золотистым. Я зарываюсь глубже в песок. Мне нравится солнце. Алекс сидит рядом и щедро обмазывает плечи кремом для загара.

– Боже, Алекс! – говорит Ренни, выглядывая из-за журнала. – Носи с собой свой крем! Ты половину моего использовал. В следующий раз я просто позволю тебе заболеть раком.

– Издеваешься? – отвечает Алекс. – Ты стащила его из моего коттеджа! Поддержи меня, Лил!

Я приподнимаюсь на локтях.

– Ты пропустил участок на плече. Ну-ка повернись.

Я сажусь у Алекса за спиной и втираю крем ему в плечо. Он оборачивается и спрашивает:

– Лилия, что у тебя за духи?

Я смеюсь.

– А что, хочешь позаимствовать?

Я люблю дразнить Алекса Линда. Это так просто!

Он тоже смеется.

– Нет, просто любопытно.

– Это секрет! – говорю я, поглаживая его спину.

Для девушки очень важно иметь собственный аромат, по которому все будут ее узнавать. Когда идешь по школьному коридору, люди должны оборачиваться и смотреть вслед. Как рефлекс Павлова. Каждый раз, чувствуя этот запах, все должны думать о тебе. Карамель и колокольчик – вот аромат Лилии.

Я снова откидываюсь на покрывало и переворачиваюсь на живот.

– Я хочу пить! – сообщаю я. – Передашь мне газировку, Линди?

Алекс наклоняется и копается в холодильнике.

– Остались только вода и пиво.

Я хмурюсь и смотрю на Рива. В одной руке у него фрисби, а в другой – моя газировка.

– Ри-ив! – кричу я. – Это была моя бутылка!

– Прости! – кричит он в ответ, хотя совсем не кажется раскаявшимся.

Он бросает тарелку по идеальной дуге, и та приземляется рядом с симпатичными девчонками, сидящими в шезлонгах. Не сомневаюсь, что именно туда он и целился.

Я смотрю на Ренни, ее глаза округлились.

Алекс встает и отряхивает шорты от песка.

– Я принесу тебе новую газировку.

– Да ладно, не надо, – говорю я, но, конечно, лукавлю: мне ужасно хочется пить.

– Ты будешь по мне скучать, когда некому станет приносить тебе напитки! – улыбается он.

Завтра Алекс, Рив и Пи-Джей уезжают на глубоководную рыбалку на целую неделю. Мы видимся почти каждый день, и будет странно провести конец лета без парней.

Я показываю Алексу язык и говорю:

– Я ни капельки не буду скучать!

Алекс подбегает к Риву, и они идут вниз по пляжу, к палатке с хот-догами.

– Спасибо, Линди! – кричу я ему вслед.

Он так добр ко мне! Я смотрю на Ренни, она ухмыляется.

– Этот парень все ради тебя сделает, Лил.

– Прекрати.

– Просто ответь: да или нет? Разве Линди не симпатичный? Только честно.

Мне даже не приходится раздумывать.

– Да, разумеется, симпатичный. Но не для меня.

Ренни вбила себе в голову, что мы с Алексом должны стать парой, и тогда они с Ривом тоже смогут стать парой, и мы будем ходить на двойные свидания и вместе ездить куда-нибудь на выходные. Как будто родители разрешат мне уехать с парнем! Ренни может делать все что хочет, хоть хламидиоз подхватить от Рива, но мы с Алексом никогда не будем вместе. Я не отношусь к нему как к парню, а он не видит во мне девушку. Мы друзья, не больше.

Ренни укоризненно на меня смотрит, но, к счастью, решает не развивать тему. Показывает мне журнал и спрашивает:

– Может, сделать такую прическу на осенний бал? Как думаешь?

На фотографии девушка в блестящем серебристом платье, ее светлые волосы струятся по спине, как плащ.

Я смеюсь:

– Рен, осенний бал только в октябре!

– Вот именно! Осталось всего полтора месяца! – она трясет журналом у меня перед лицом. – Ну так что скажешь?

Вероятно, она права. Возможно, нам пора начать думать о платьях. Я точно не стану покупать себе наряд в одном из бутиков на острове, ведь тогда с вероятностью девяносто процентов кто-нибудь из девчонок может прийти точно в таком же. Я внимательно смотрю на фотографию.

– Очень мило! Но сомневаюсь, что там будет искусственный ветер.

Ренни щелкает пальцами.

– Да! Искусственный ветер! Отличная идея, Лил!

Я смеюсь. Если она этого хочет, она это получит. Никто никогда не отказывает Ренни Холц.

Мы обсуждаем наряды для осеннего бала, и к нашему покрывалу подходят двое парней. Один высокий, с выбритыми висками, а второй более коренастый, с накачанными бицепсами. Оба симпатичные, но тот, что пониже, нравится мне больше. Парни явно старше нас, определенно окончили школу.

Я рада, что надела новое черное бикини, а не бело-розовое в горошек.

– Девчонки, у вас есть откровенка? – спрашивает высокий.

Я отрицательно качаю головой.

– Нет, но вы можете попросить в киоске.

– Сколько вам лет? – спрашивает меня коренастый.

Я вижу, что он нравится Ренни, потому что она перекидывает волосы набок и говорит:

– А с какой целью интересуетесь?

– Хочу удостовериться, что нам можно с вами разговаривать, – отвечает парень, ухмыляясь. Теперь он смотрит на нее. – По закону.

Ренни хихикает, но не как маленькая девочка, а по-взрослому, кокетливым смехом.

– Все законно. Почти. А вам сколько лет?

– Двадцать один! – говорит высокий, глядя на меня. – Мы учимся в Массачусетском университете. Приехали сюда на неделю.

Я поправляю верх бикини, чтобы не показывать ничего лишнего. Ренни недавно исполнилось восемнадцать, но мне пока семнадцать.

– Мы снимаем дом на Шор Рoad, в Кэноби Блафсе. Заглядывайте как-нибудь. – Коренастый подсаживается к Ренни. – Дай мне свой номер.

– Попроси как положено, – мурлычет Ренни, вся такая сладкая, но недоступная, – и тогда я, может быть, подумаю.

Высокий парень садится рядом со мной, на край покрывала.

– Я Майк.

– Лилия, – представляюсь я.

Через его плечо я вижу, как возвращаются парни. Алекс несет мне газировку. Они смотрят на нас и, наверное, задаются вопросом, что это за ребята ошиваются вокруг их подруг. Когда дело касается неместных, наши мальчишки начинают чрезмерно нас опекать.

Алекс хмурится и говорит что-то Риву. Ренни тоже их видит и начинает хихикать еще громче, снова перекидывая волосы набок.

Высокий парень, Майк, спрашивает меня:

– Это что, ваши парни?

– Нет, – отвечаю я.

Он смотрит на меня так внимательно, что я краснею.

– Хорошо, – говорит он и улыбается мне.

У него красивые зубы.

КЭТ

Сегодня идеальный летний вечер: на небе видны все звезды. И не нужно надевать свитер, даже на берегу, что очень кстати, потому что свой я оставила дома. Я вырубилась, как только пришла домой с работы, и проспала ужин. Когда я проснулась, у меня было пять секунд, чтобы успеть на следующий паром до материка, так что я бросила в сумку первую попавшуюся одежду, что нашла на полу, помахала папе на прощание и пробежала всю дорогу от Ти-Тауна до залива Мидлбери. Я наверняка что-то забыла, но Ким всегда разрешает мне рыться у нее в шкафу, так что нестрашно.

Главная улица забита народом. Почти все магазины в это время уже закрыты, но отдыхающих это не волнует. Туристы просто бесцельно прогуливаются, останавливаясь у витрин и разглядывая идиотские толстовки и кепки с надписью «Джар Айленд».

Ненавижу август.

Я со стоном проталкиваюсь через толпу в попытках добраться до кафе «Джава Джонс». Чтобы не уснуть во время концерта «Щенков чау-чау», мне понадобится кофеин.

«Щенки чау-чау» играют в «Бутике Пола», музыкальном магазине на материке, где работает Ким. К «Бутику Пола» пристроен гараж, в котором устраивают концерты, и, если группа нам интересна, Ким разрешает мне переночевать у нее в квартире. Она живет прямо над магазином. Музыканты тоже обычно останавливаются у нее, что очень круто. Судя по обложке альбома, солист «Щенков чау-чау» – горячий парень. Не такой горячий, как ударник, но Ким говорит, что от ударников вечно одни проблемы.

Я поднимаюсь в «Джава Джонс», перепрыгивая через ступеньки. Но, как только я собираюсь войти, один из официантов закрывает дверь на ключ.

Я стучу по стеклу:

– Я вижу, что вы закрываетесь, но, может, соорудите мне по-быстрому тройной эспрессо с собой?

Игнорируя меня, парень развязывает фартук и выключает неоновую вывеску. В окне темнеет. Я понимаю, что, возможно, веду себя как одна из богатых, зазнававшихся туристок Джар Айленда, которые считают, что график работы заведений – не для них. На пристани мне и самой каждый день приходится иметь дело с этими слишком много возомнившими о себе снобами. Так что я бросаю наполовину докуренную сигарету в урну, засовываю руки глубоко в карманы, чтобы мои джинсовые шорты сползли ниже на бедра, и в отчаянии выкрикиваю:

– Пожалуйста! Я местная!

Официант поворачивается и смотрит на меня как на занозу в заднице, но потом его лицо смягчается.

– Кэт Де Брассио?

– Да! – Я прищуриваюсь, глядя на него. Его лицо кажется знакомым, но я не помню, откуда могу его знать.

Парень отпирает замок и впускает меня внутрь.

– Мы с твоим братом вместе на мотоциклах раньше гоняли, – говорит он, придерживая для меня дверь. – Осторожно. Пол мокрый. И передай Пэту от меня привет.

Я киваю и аккуратно, насколько это возможно в байкерских ботинках, прохожу мимо другого работника, водящего тряпкой взад-вперед. Потом бросаю сумку на прилавок и жду, пока официант приготовит мне кофе. И вдруг я замечаю, что в «Джава Джонс» не совсем пусто. Остался последний клиент.

За одним из дальних столиков, склонившись над маленькой записной книжкой, сидит Алекс Линд. Думаю, это его дневник или вроде того. Я пару раз замечала, как он по-тихому

туда что-то записывал, когда думал, что его никто не видит. Он никогда мне его не показывал. Видимо, боялся, что я буду смеяться.

Здесь он прав: я вряд ли смогла бы удержаться от смеха. Несмотря на то что в последнюю пару недель мы много времени проводили вместе, мы не настоящие друзья.

Я не стану ему мешать, просто возьму кофе и уйду. Но тут карандаш в его руке зависает посреди страницы, Алекс прикусывает нижнюю губу, закрывает глаза и на секунду задумывается. Он похож на маленького мальчика, сосредоточившегося на вечерней молитве, такого милого и ранимого.

Я буду скучать по нему.

Я быстро поправляю челку и окликаю его:

– Эй, Линд!

Алекс испуганно открывает глаза. Поспешно спрятав записную книжку в задний карман, подходит ко мне.

– Привет, Кэт! Какие планы на вечер?

Я закатываю глаза.

– Я еду к Ким, на концерт. Забыл?

Я, черт возьми, говорила ему об этом всего пять часов назад, когда он забегал на пристань в мой обеденный перерыв. Мы начали общаться в июне, встретившись как-то в яхт-клубе. Разумеется, я и до этого знала, кто он. Наша школа не такая уж большая. Но мы никогда раньше не разговаривали. Может, пару раз в прошлом году, на уроках рисования. Уж очень разные у нас круги общения.

Однажды Алекс привез в порт новую моторную лодку, но застрял, пытаясь ее завести.

Я выгнала его с водительского места и показала, как и что нужно делать. Мои умения поразили Алекса. Несколько раз, когда я сильно разогналась, он так отчаянно держался за края лодки, что костяшки пальцев белели. Но это было даже мило.

Сегодня я надеялась, что он побудет со мной до конца моей смены и мне не придется умирать со скуки. К тому же я знала, что завтра он уезжает на рыбалку. Но Алекс бросил меня, чтобы пойти на пляж с друзьями, с его настоящими друзьями.

– А, да, – говорит Алекс, кивая, – точно.

Затем он наклоняется и облокачивается на барную стойку.

– Да, и поблагодари от меня Ким еще раз за то, что разрешила мне у нее остаться.

В июле я взяла Алекса в музыкальный магазин, на концерт группы «Армия никого». Он никогда о ней не слышал до того, как мы стали общаться, но теперь это его любимый коллектив. Мне было неловко, потому что Алекс надел тогда футболку поло с логотипом загородного клуба Джар Айленда, шорты цвета хаки с карманами и шлепки. Как только мы вошли, Ким укоризненно на меня посмотрела, настолько не к месту он был одет. Там же Алекс купил футболку с изображением группы и переоделся в нее. Те, кто приходит на концерт в футболках с изображением выступающей группы, выглядят жалко, но все же это было лучше, чем поло. Как только концерт начался, Алекс вполне успешно слился с толпой и качал головой в такт музыки одновременно с остальными. И он был предельно вежлив в квартире Ким. Прежде чем залезть в свой спальный мешок, собрал пустые пивные бутылки и выставил их на улицу, чтобы потом отнести на переработку.

– Хочешь пойти со мной? Билеты распроданы, но я могу тебя провести.

– Не могу, – говорит Алекс, тяжело вздохнув. – Дядя Тим хочет отплыть на рассвете.

Дядя Алекса, Тим, – лысеющий убежденный холостяк. У него нет ни семьи, ни каких-то обязательств, потому что все деньги он тратит на игрушки вроде новой яхты, на которой они с Алексом и его друзьями собираются на глубоководную рыбалку исключительно мужской компанией.

Я пожимаю плечами.

– Что ж, значит, больше не увидимся. – Я салютую ему как моряк. – Хорошей поездки!
Я говорю это с сарказмом, потому что совершенно не хочу, чтобы он уезжал. Теперь, когда Алекс больше не будет навещать меня на работе, последняя неделя лета обещает быть отстойной.

Он выпрямляется.

– Я могу подбросить тебя до парома.

– Да ладно, не парься.

Поворачиваюсь, чтобы уйти, но он хватается за ремешок сумки и снимает ее с моего плеча.

– Я только рад буду, Кэт.

– Ладно, если хочешь.

Алекс ведет машину к причалу и всю дорогу посматривает краем глаза на меня. Не знаю, почему, но из-за этого я чувствую себя странно. Я отворачиваюсь к окну, чтобы он не видел моего лица, и говорю:

– Ты чего?

Он тяжело вздыхает.

– Поверить не могу, что лето закончилось. Не знаю, такое чувство, что зря потратил время.

Не успев сдержаться, я говорю:

– Ты потратил время зря на своих друзей-неудачников, это ты хочешь сказать? Или на общение со мной?

Ненавижу себя за то, что говорю так, будто мне есть до этого дело.

Обычно Алекс защищает своих друзей, если я над ними смеюсь, но в этот раз он ничего не отвечает.

Всю оставшуюся дорогу я думаю о том, что будет, когда начнется учебный год. Останемся ли мы с Алексом друзьями? Да, этим летом мы провели вместе много времени, но я не уверена, что захочу общаться с ним в школе, на людях.

Мы с Алексом... Нам лучше вот так, когда есть только мы.

Он заезжает на парковку рядом с паромом, но не успевает остановить машину, как я внезапно принимаю решение и говорю:

– Я могу не ходить на концерт, если хочешь сегодня потусить.

Я не фанатка «Щенков чау-чау». К тому же они наверняка заедут еще. А мы с Алексом... Сегодня наша история может закончиться. Возможно, это наш последний вечер, и, думаю, в какой-то степени мы оба это понимаем.

Алекс улыбается:

– Серьезно? Ты останешься со мной?

Я открываю окно и зажигаю сигарету, чтобы он не увидел, что я тоже улыбаюсь.

– Да, почему бы и нет? Хочу своими глазами увидеть яхту богатенького буратино.

И Алекс отвозит меня туда. Яхта припаркована у особняка дяди Тима. Мы идем к ней, и я подшучиваю над тем, какая она безвкусная, но на самом деле думаю: «Черт возьми! Это судно больше, чем весь мой дом». Я никогда в жизни не видела такой красивой яхты. Она круче любой другой в порту.

Алекс забирается первым, я – за ним. Он проводит для меня быструю экскурсию: внутри яхта оказывается еще более роскошной. Итальянский мрамор, огромный телевизор с плоским экраном, винный погреб, забитый бутылками из Италии, Франции и Южной Африки.

Я думаю о Ренни. Она бы умерла, увидев все это.

И так же быстро я выкидываю ее из головы. В последнее время я редко о ней думаю, но меня бесит, что пока еще вспоминаю.

Пока я пытаюсь разобраться, как включить стерео, Алекс подходит ко мне сзади. Он очень близко, гладит мои волосы и перекладывает их набок.

– Кэт.

Я застываю. Губы Алекса касаются моей шеи. Он берет меня за бедра и притягивает к себе.

Он не в моем вкусе, совершенно.

Все это кажется полным безумием. Потому что, как только я поворачиваю голову, мы целуемся. И тогда я понимаю, что все лето ждала именно этого.

Глава первая ЛИЛИЯ

Неделю спустя

Я стою в ванной у зеркала, пытаюсь вспомнить, как именно консультант из магазина косметики советовала рисовать стрелки, если у тебя азиатская внешность. Только вот... в голову лезут совсем другие мысли.

Вроде бы она говорила слегка заострить кончики. Я пробую на правом глазу, и получается неплохо. Почти заканчиваю левый глаз, и тут моя сестра Надя начинает так громко колотить в дверь, что я подпрыгиваю.

– Лил! Мне надо в душ! – кричит она. – Лилли-и-и!

Я беру щетку для волос, тянусь к двери и отпираю ее. Надя вбегает и включает воду. На ней свободная спортивная футболка, а ее блестящие черные волосы спутались на затылке. Она садится на край ванны и смотрит, как я расчесываюсь.

– Ты очень красивая! – говорит она охрипшим от сна голосом.

Правда? По крайней мере, снаружи ничего не изменилось.

Я продолжаю расчесываться. Двадцать три, двадцать четыре, двадцать пять, готово. Я расчесываю волосы двадцать пять раз каждое утро. Я делала так с самого детства.

Сегодня будет обычный день.

– Но я думала, что после Дня труда белое не носят, – добавляет Надя.

Я смотрю на свой новый свитер из белого кашемира: он мягкий и уютный. Я надела его с белыми короткими шортами.

– Никто больше не соблюдает это правило, – говорю я ей, отворачиваясь от зеркала. – К тому же белый – цвет зимы.

Я шлепаю ее по попе щеткой.

– Скорее забирайся в душ!

– Я успею накрутить волосы до того, как приедет Ренни? – спрашивает меня сестра.

– Нет! – отвечаю я, закрывая за собой дверь. – Пять минут!

Вернувшись в комнату, на автопилоте начинаю складывать школьные принадлежности в коричневую сумку. Новая ручка и кожаный ежедневник, который мама подарила мне в честь начала нового учебного года. Леденцы, вишневая гигиеническая помада. Я пытаюсь вспомнить, не забыла ли чего, но ничего не приходит в голову, так что я беру белые сандалии и спускаюсь по лестнице.

Мама на кухне в халате пьет эспрессо. Папа подарил ей на Рождество одну из дорогих новомодных кофе-машин, и она старается угодить ему, варя кофе хотя бы раз в неделю, хоть и предпочитает чай, а отца все равно почти всегда не бывает дома, и он даже не видит, как она этой машинкой пользуется. Мой отец – врач-исследователь. Все время, что я его помню, он работал над новым препаратом для лечения рака. Часть месяца он проводит в лаборатории в Бостоне и ездит по всему миру, чтобы представить свои открытия. Этим летом он даже попал на обложку какого-то научного журнала, название которого я все время забываю.

Показывая на тарелку с маффинами, мама говорит:

– Сядь и поешь перед уходом, Лилли. Я испекла твои любимые, с сахаром.

– Ренни вот-вот приедет! – возражаю я, но, увидев разочарование на мамином лице, беру маффин и заворачиваю его в салфетку. – Поем в машине.

Глядя меня по волосам, мама говорит:

– Поверить не могу, что ты уже в выпускном классе! Еще год – и ты уедешь в колледж. Моя девочка-красавица совсем взрослая!

Я прячу взгляд. О да, теперь я взрослая.

– Ну хоть одна малышка у меня еще осталась. Надя уже собирается?

Я киваю.

– Теперь вы с Надей в одной школе, так что тебе нужно за ней приглядывать. Ты же знаешь, как она на тебя равняется, Лилли.

Мама сжимает мою руку, и я тяжело вздыхаю. Я должна лучше присматривать за Надей, а не так, как в эту субботу, когда оставила ее на вечеринке у Алекса. И неважно, что она была с подругами.

Я должна была остаться.

С улицы доносится гудок машины Ренни, и я встаю.

– Надя! – кричу я. – Ренни приехала!

– Еще минутку! – кричит Надя в ответ.

Я обнимаю маму и выхожу через гараж.

– Возьми маффин для Ренни! – кричит мама, но я уже закрыла за собой дверь. Ренни все равно бы его не съела. В начале каждого сезона тренировок группы поддержки она полностью отказывается от углеводов. Хотя ей никогда не удастся продержаться больше месяца.

В гараже я надеваю сандалии и направляюсь по подъездной дорожке к «джипу» Ренни.

– Надя сейчас придет, – говорю я, забираясь внутрь.

Ренни наклоняется ко мне и обнимает, как делает каждое утро. Я мысленно приказываю себе: «Обними ее!» – и только тогда мне удастся обнять ее в ответ.

– Твоя кожа шикарно смотрится на контрасте с белым! – восклицает она, рассматривая меня с головы до ног. – Хотела бы и я быть такой же загорелой!

На Ренни обтягивающие джинсы и еще более обтягивающий кружевной топ с глубоким вырезом, под ним – топ телесного цвета. Она такая худенькая, что видны все ребра. Похоже, на ней нет бюстгалтера. Ей он и не нужен. У нее спортивная фигура.

– Ты тоже хорошо загорела, – замечаю я, пристегиваясь.

– Это бронзер, детка! – она надевает солнцезащитные очки и начинает тараторить со скоростью сто слов в минуту. – У меня есть идея для следующей вечеринки. Тема мне сама вчера ночью приснилась, и это будет... Ты готова? Ревущие двадцатые! Девушки оденутся как флэпперы, ну, знаешь, с перьями на голове, длинными бусами, а парни – в костюмы с длинными пиджаками и шляпы-федоры. Отпадно, да?

– Не знаю, – говорю я, глядя в окно. Ренни болтает так быстро и так много, что у меня голова тяжелеет. – Ребятам это может не понравиться. Где они найдут такую одежду на острове?

– Ау! Есть такая штука, как Интернет! – Ренни стучит пальцами по рулю. – Почему Надя так долго? Я хочу приехать раньше всех, чтобы застолбить парковочное место на весь год.

Она жмет на гудок – один, а потом два раза.

– Хватит! – говорю я. – Ты всех соседей разбудишь!

– Ой, да брось! Ближайший дом в километре отсюда.

Входная дверь распаивается, и Надя сбегает по ступенькам. Она кажется совсем крошечной на фоне нашего громоздкого белого дома. Он отличается от большинства построек на острове: современные линии и много стекла. Мама помогала его проектировать. Изначально это был наш летний дом, но, как только я перешла в старшую школу, мы насовсем переехали на Джар Айленд. Это я упростила родителей жить здесь круглый год, чтобы не расставаться с Ренни и всеми моими летними друзьями.

Мама машет нам с крыльца. Я машу в ответ.

– Ну так что? Ревущие двадцатые! Ты «за» или «против»? – спрашивает меня Ренни.

Если честно, мне все равно, но я знаю, что мой ответ для нее важен, и поэтому мне хочется сказать, что я «против».

Но я не успеваю, потому что Надя садится в машину. Ее волосы еще влажные после душа. На ней новые джинсы и черный топ, который мы купили втроем, когда в июле вместе ходили по магазинам. Это было будто бы вечность назад.

Она забирается на заднее сиденье. Я оборачиваюсь и говорю:

– Надо было высушить волосы, Надя! Ты же знаешь, что всегда простужаешься, когда выходишь с мокрой головой.

Запахавшись, она отвечает:

– Я боялась, вы уедете без меня.

– Мы бы тебя не оставили! – восклицает Ренни, поворачивая руль. – Мы твои старшие сестры и всегда за тобой присматриваем, крошка!

Мерзкие слова вертятся у меня на кончике языка, и я сжимаю зубы, чтобы не произнести их. Если я это скажу, все изменится навсегда, станет даже хуже, чем сейчас.

Мы выезжаем на дорогу.

– Тренировка чирлидеров в четыре часа, – напоминает мне Ренни, пританцовывая на месте. – Не опаздывай. Нам надо оценить свежее мясо. Посмотрим, с чем придется работать. Ты не забыла взять мини-камеру, чтобы всех записать?

Я открываю сумку и ищу, хотя уже знаю, что ее там нет.

– Забыла.

– Лил! Я хотела пересмотреть их сегодня вечером в хорошем качестве! – Ренни недовольно вздыхает, как будто она во мне разочарована.

Я пожимаю плечами.

– Как-нибудь справимся.

Ведь именно этим мы сейчас и занимаемся, да? Мы справляемся. Но Ренни это явно удается лучше, чем мне.

– Надя, кто из твоих подружек самая красивая? – спрашивает Ренни.

– Патриция! – отвечает Надя.

Ренни поворачивает налево, и мы проезжаем мимо сдаваемых в аренду коттеджей, которыми пестрит Кэноби Блафс. Я сосредоточиваю внимание на одном. Дом опустел, и снаружи смотритель закрывает его до следующего сезона. Думаю, это отец Рива. Он опускает ставни на окна первого этажа. До хозяйской спальни смотритель еще не добрался, и ее окна широко раскрыты.

Я отворачиваюсь и краем глаза смотрю на Ренни. Мне интересно, думает ли она о том же, о чем и я. Но ее лицо не выражает ни узнавания, ни тревоги – ничего.

– Надя, ты гораздо красивее Патриции. Имей в виду, для сборной старшей школы я выбираю наилучших, – говорит Ренни. – Дай мне знать, если хочешь поддерживать кого-то одного, и я это устрою.

Не задумываясь Надя восклицает:

– Алекс! Можно мне поддерживать Алекса?

Ренни вздыхает.

– Ой! Лучше спроси свою сестру. Это ее игрушка.

– Помолчи, Ренни! – говорю я более раздраженно, чем хотела, и она строит Наде рожицу в зеркале заднего вида. Я делаю вдох. – Надя, перед тобой к Алексу стоит огромная очередь девчонок из десятых и одиннадцатых классов. Мы не можем иметь любимчиков. Представь, как это будет выглядеть, если мы прикрепим к выпускнику девятиклассницу? К тому же тебе еще кастинг надо пройти. Ты еще не попала в команду.

При этих словах Ренни кивает.

– Лил права. То есть да, фактически ты в команде, но мы должны обращаться с тобой как со всеми остальными. Несмотря на то что ты, несомненно, особенная.

Надя ерзает на сиденье как щенок.

– Да, и передай своим подругам, что если они хоть на минуту опоздают, то отправятся домой. Точка. Как капитан я должна задавать ритм в этом сезоне.

– Поняла! – говорит Надя.

– Молодец! Ты будешь нашей новой звездой!

Я будто бы парю над собственным телом и, не подумав, говорю:

– Ей нужно работать над сальто назад. Оно очень слабое.

Становится очень тихо.

Я поворачиваю зеркало, чтобы посмотреть на Надю: уголки ее губ опущены вниз, в глазах боль.

Зачем я это сказала?

Я знаю, как сильно она хочет попасть в команду. Мы тренировались все лето: сальто назад, стойки, прыжки и танцевальные движения. Я сказала сестре, что, когда Ренни окончит школу, Надя займет ее место на вершине пирамиды, и вся школа будет на нее равняться, прямо как на ее старшую сестру.

Но теперь я не уверена, что хочу, чтобы она стала такой же, как мы с Ренни. Больше нет.

Глава вторая

КЭТ

Я залезаю на сеточный забор, окружающий парковку старшей школы Джар Айленда. Машина Алекса, сверкающая и свежeweымытая в честь первого учебного дня, припаркована рядом с футбольным полем. Я пытаюсь не обращать внимания на сердце, которое начинает биться в три раза быстрее, разливая жар по груди, горлу и ушам.

В субботу был мой восемнадцатый день рождения. Я провела вечер за кухонным столом, с папой и Пэтом, моим братом. Мы пили виски из шотов и ели замороженный шоколадный торт, который папа купил в супермаркете.

– Ох, Джуди! – говорил отец после каждой рюмки, как будто мама сидела за столом и пила вместе с нами. – Ты только посмотри на нашу малышку!

– Теперь я женщина, – поправила я.

– И еще какая женщина! – добавил он и подтолкнул свою стопку вперед, для добавки.

– Фу, папа! Отвратительно! – скривился Пэт и налил нам по новому кругу.

В тот день Алекс должен был вернуться домой, но я не знала, когда точно. Позвонит ли он? Я не позволяла себе об этом думать. Я уже и так потратила на него чересчур много мозговой активности.

Всю неделю, что Алекс был на рыбалке, я прокручивала в голове события нашего последнего совместного вечера. В отличие от музыкантов, с которыми я тусовалась в квартире Ким, с Алексом мне не приходилось волноваться о том, как далеко все может зайти. Но мне понравилось, как он взял инициативу в свои руки. Это было очень сексуально, к тому же запрещено. Я и Алекс. Мы никогда не должны были стать друзьями и уж тем более целоваться на яхте его дяди стоимостью несколько миллионов долларов.

Я точно знала, что Ренни устроит Алексу взбучку, если узнает, что мы с ним целовались. И я была уверена, что мне тоже достанется: от Ренни, от Рива, ото всех. Разумеется, в тот момент ни я, ни Алекс не думали об этом, но это должно было прийти ему в голову позже, точно так же, как пришло в голову мне.

А потом он прислал сообщение.

«У меня дома вечеринка в честь возвращения, заглядывай, если нечем заняться».

Я отодвинула стул, чтобы выйти из-за стола.

– Чего это ты улыбаешься? – спросил Пэт.

Я его едва слышала. Представляла, как буду смотреться в черном кружевном топе с шортами, но потом подумала: вдруг его родители тоже там будут? Наверное, стоит надеть что-нибудь более сдержанное.

Я села обратно. Почему я так схожу с ума? Это был всего лишь один вечер. Надо при-
тормозить.

Я выключила телефон и попросила брата налить мне еще виски.

Около часа ночи я была официально и законно пьяна. Отец ушел спать, а Пэт вырубился на полу в гостиной. Наш пес Шэп начал скрестись в заднюю дверь, так что я взяла поводок и повела его гулять.

Разумеется, я оказалась у дома Алекса, несмотря на то что Уайт Хэвен в десяти километрах от Ти-Тауна.

Здесь определенно была вечеринка, но она давно закончилась. Пластиковые стаканчики и мусор были разбросаны вдоль дорожки, ведущей на задний двор. Тихо играла музыка – безвкусное танцевальное дерьмо, что вечно крутят по радио. Свет у бассейна уже выключили.

Повсюду валялись объедки, миски с чипсами и тарелки с недоеденными гамбургерами. Гуакамоле потемнело, в стаканчиках с растаявшими розовыми напитками плавали бумажные зонтики. Были и другие украшения: рыболовные сети, гавайские факелы, морские раковины. На заборе висела помятая капитанская фуражка. Шэп нашел что-то на земле и начал жевать. Мне пришлось с боем вытаскивать добычу у него из пасти. Это оказалась пластиковая пиратская повязка на глаз.

Я подошла к домику у бассейна, где жил Алекс, и заглянула в окно, чтобы посмотреть, спит ли он.

Он спал у себя на кровати, на одном боку, поверх постельного белья. Его бронзовые волосы выгорели и стали песочного цвета. Он сильно загорел и покрылся веснушками.

Алекс выглядел таким милым, что я не сразу заметила хрупкое тело, свернувшееся в постели рядом с ним.

Направляясь в школу, я прохожу мимо фонтана. Алекс стоит там со своими друзьями. Ренни и Лилия разделись в честь первого учебного дня, как в дурацкой молодежной комедии. Лилия держит во рту леденец на палочке. У нашей хорошей девочки серьезные проблемы с оральной фиксацией. И Ренни? Лишь по тому, как она стоит на каблуках, выставив одно бедро в сторону, подперев рукой поясницу и выпячивая свою жалкую маленькую грудь как можно дальше, я вижу, что она готова править школой. Ведь теперь она выпускница. Она ждала этого момента всю свою чертову жизнь.

Алекс поворачивает голову, и наши глаза встречаются. На секунду я задумываюсь, притворится ли он, что не заметил меня. Это было бы вполне нормально, но он так не делает. Он подходит ко мне, сверкая улыбкой.

– Кэт! – говорит Алекс. – Привет! С днем рождения!

Меня застает врасплох то, что он помнит про мой день рождения и что он отметил его в постели с другой девушкой. Я понятия не имею, кто она. Да это и неважно.

– Прости, что не пришла на твою вечеринку. Круто было? – спрашиваю я, стараясь не выдавать ревности к девушке, с которой он спал вместо меня.

– Не особо, – Алекс пожимает плечами. – Я даже не знал, что у меня будет вечеринка. Это все Ренни. Она искала лишний повод поразвлечься.

Ренни? Так это она устроила вечеринку? Тогда все ясно. Это объясняет дешевые украшения и прочее дерьмо. Она не могла пригласить всю школу в двухкомнатную квартиру своей матери.

Алекс продолжает:

– Похоже, она подговорила Лилию попросить мою маму разрешить им устроить вечеринку у нас дома. А моего отца заставила стоять у гриля и жарить стейки. Там была куча народа, и все в костюмах. Отец, черт возьми, костюм аквалангиста напялил. Ты знаешь, как Ренни умеет ладить с родителями. – Алекс печально качает головой. – Она разозлилась на меня, когда я отказался надевать шляпу моряка.

– Погоди, – сказала я. – Все были в костюмах?

– Да. Ренни нарядилась русалкой.

Я сжала зубы. Разумеется. «Русалочка» – единственная игра, в которую Ренни хотела играть в бассейне Лилии, когда мы были детьми.

– Звучит забавно! – говорю я с сарказмом, пытаюсь обойти Алекса.

– Да нет, говорю же, не особо, – он делает шаг ко мне и понижает голос. – Стой, ты на меня сердишься? Ты ведь получила мое сообщение?

Я пристально смотрю ему в глаза и говорю:

– Зачем ты пригласил меня на вечеринку Ренни?

Он знает нашу историю. Все знают. И мне хочется задать вытекающий из всего этого вопрос о девушке в его постели, но я отвлекаюсь, увидев кое-кого у него за плечом.

Ренни смотрит на нас.

– А-а-алекс! – произносит она нараспев. – Можешь подойти на секундочку?

– Алекс занят. И не надо перебивать людей, когда они разгова-а-аривают! – отвечаю я, передразнивая ее интонацию.

Ренни вздыхает. Она хватается Лилию за руку и пытается увести ее от фонтана.

– Идем, Алекс! Нам надо с тобой поговорить!

Но Лилия высвобождает руку.

Алекс бросает взгляд через плечо и раздраженно говорит:

– Давай я просто позвоню тебе позже.

Я машу на него рукой.

– Неважно.

Потому что не хочу влезать в это сейчас, когда все на нас смотрят.

– Я тебя найду после футбольной тренировки! – говорит он, пятясь от меня спиной вперед.

Я слышу, как Ренни шепчет ему:

– О чем ты вообще с ней разговаривал? Хочешь нанять ее, чтобы она мыла яхту твоего дяди?

Алекс начинает возражать, но Ренни его перебивает.

– Будь осторожен, Линди. Нельзя впускать на лодку кого попало. Вдруг она что-нибудь украдет?

Мое тело деревенеет. Это Ренни любила воровать в магазинах. В основном косметику из аптеки, но иногда футболку или браслет из магазинов на Главной улице. Я обычно стояла на стреме.

За эти годы Ренни распустила про меня сотни слухов. Как мой отец варит мет и готовит моего брата, Пэта, продолжить семейный бизнес. Как однажды на ночевке я пыталась поцеловать ее взасос. И как она хотела через суд запретить мне к ней приближаться, потому что я преследовала ее, когда она перестала со мной дружить. Она выдумывала все это лишь для того, чтобы рассказать интересную историю. Я никому не доказывала обратное, потому что мне было все равно. Но она просто невообразимая лгунья и сама поверила в собственные выдумки. В любом случае я ничего не могла с этим поделать. Люди верят в то, во что хотят верить.

Но сейчас по необъяснимой причине я не хочу, чтобы Алекс считал меня голодранкой.

Через его плечо Ренни довольно машет мне на прощание.

Не успев даже подумать о том, что я делаю, я бегу за ними вслед. Догнав, я со всей силы врезаюсь в Ренни плечом.

Глава третья МЭРИ

Утром, когда я проснулась, в животе порхали бабочки. Очень много бабочек. Настал день, которого я так ждала.

Я проезжаю Мидлбери и выбираю велосипедную дорожку вдоль моря, где в самом начале берег Кэноби Блафса становится каменистым. Перед острой скалой дорожка сворачивает в лес. Здесь классно. Мне нравится ехать среди сосен и слушать тихий шорох шин моего велосипеда на песчаной тропе.

Тетя Бэтт еще спала, когда мне пора было выходить, но, к счастью, мой старый желтый «круизер» стоял в гараже в идеальном состоянии. Даже не запылелся.

Интересно, что будет дальше, когда все вокруг исчезнет и останемся только мы, один на один?

Я скажу: «Привет, Рив, – ровно и спокойно. – Что, не ожидал меня снова увидеть?»

Варианты крутятся у меня в голове быстрее, чем колеса велосипеда. Я даже не думаю о том, что он мне ответит. Это неважно. Главное – что этот момент настанет.

Велосипедная дорожка выводит меня к заднему двору старшей школы Джар Айленда. Я торможу и останавливаюсь. Школа видна за футбольным полем. Я изумляюсь тому, какая она огромная.

Я была здесь как-то раз в детстве с мамой и папой. Мы смотрели музыкальный спектакль по роману «Тайный сад», который показывали в актовом зале. Думаю, тогда я считала, что это и есть вся школа, но теперь я вижу, что актовый зал вообще находится в отдельном здании. Здесь есть спортивный корпус и отдельный бассейн. Повсюду ученики, сотни лиц, роятся как муравьи. Мне интересно, встречу ли я кого-нибудь знакомого, но никого не вижу. Вокруг одни чужаки.

Я иду в потоке учеников по бетонной дорожке, пока она не переходит в большой центральный двор. Несколько ребят на газоне бросают друг другу фрисби. На территории стоят несколько скамеек, пара деревьев, а в центре – большой журчащий фонтан, который выбрасывает в синее небо превращающиеся в туман брызги.

Рив где-то здесь. Я это знаю. Чувствую.

Я приглаживаю волосы и медленно поворачиваюсь.

Девушка в коротких шортах, черном топе, обрезанной черной толстовке, с черными волосами, струящимися по спине, толкает другую, более мелкую, с волнистыми каштановыми волосами, врежаясь в нее со всего размаха, так сильно, что я издали слышу звук удара.

Маленькая девушка спотыкается на каблуках, чуть не упав в фонтан, и кричит так, что кровь леденеет. Ее лицо кажется мне знакомым. Может, я встречала ее однажды, очень давно, в воскресной школе, или дневном лагере, или еще где-то.

Девушка в шортах говорит:

– Это ты была kleptomанкой, Ренни! Я в жизни ничего не крала!

Ренни, точно. Так зовут миниатюрную девушку. Мы вместе ходили на плавание в третьем классе. Вторая девушка наклоняется к лицу Ренни. Парень с рыжеватыми волосами пытается ее удержать, но та его отталкивает.

– И если я еще раз услышу, как ты врешь про меня, я тебя убью!

Девушка произносит это таким мертвенно-серьезным тоном, что у меня мороз по коже дерет.

При виде этой сцены все во дворе замедляют ход, как чайки, парящие над морским мусором. У меня возникает неприятное чувство беспомощности. Но всех остальных картина забавляет. Всех, кроме парня с рыжеватыми волосами.

Ренни выпрямляется.

– Э-э... ты *убьешь* меня? Серьезно? – она смеется. – Ладно, хватит врать, Кэт. Я прямо сейчас скажу все как есть. Помнишь, в девятом классе ты зашла ко мне, умоляя снова стать твоей подругой? – Улыбка на лице другой девушки, Кэт, исчезает. – Ты плакала и все пыталась меня обнять. К твоему сведению, все это время я думала лишь о том, как воняет у тебя изо рта. У тебя всегда воняло изо рта, даже после того, как ты чистила зубы. И когда ты ушла, я так радовалась, что мне никогда больше не придется нюхать это дерьмо у тебя во рту.

Кэт кривит губы. Она хочет что-то сказать, но не может. Я вижу это по ее лицу, по глазам. Она начинает покашливать, и сначала я думаю, что она сдерживает слезы. Но потом голова Кэт слегка отклоняется назад, и она со смаком плюет Ренни в лицо.

Все, кто это видит, восклицают: «Фу-у-у!».

Парень говорит:

– Господи, Кэт!

– О боже! – кричит Ренни, яростно вытирая лицо. – Ты просто кусок дерьма, Кэт!

Она оглядывает всех, кто на нее смотрит, и ее щеки вспыхивают.

– Господи! – повторяет она, на этот раз для себя, шепотом.

Кэт уходит. Проходя мимо, она встречается со мной взглядом. Ее глаза вспыхивают, и у меня перехватывает дыхание.

Я будто плыву в невесомости, не понимая, где верх, где низ и куда идти. Значит, вот как выглядит повседневная жизнь в старшей школе Джар Айленда? Потому что, если это так, я не уверена, что продержусь хотя бы день.

Красивая девушка-азиатка подходит к Ренни и протягивает ей салфетку, но Ренни ее не берет. Она вся поникает, и высокий парень с каштановыми волосами обнимает ее и предлагает рукав футболки, чтобы вытереть лицо.

– Иди ко мне, детка, – слышу я его слова. – Ссора в первый учебный день? Брось, Рен, ты выше этого. Не позволяй Де Брассио затащить тебя в ее канаву... Хотя, должен признаться, ваша потасовка меня завела!

Он наклоняет голову назад и выпускает на волю смешок, который, должно быть, давно уже сдерживал.

Я его не слышу, ничего не слышу, только стук в ушах. Все остальное становится безмолвным фоном, потому что это он, прямо здесь, передо мной, после всех этих лет. Это Рив Табатски.

Я бы узнала его где угодно. У него все те же каштановые волосы, тот же римский нос и эти глаза, зеленые, как морское стекло. Он стал гораздо выше, широкие плечи, мускулистые руки. На нем белая футболка и потертые брюки цвета хаки, на голову подняты очки «авиатор» с зеркальными стеклами.

Он был симпатичным мальчишкой. Но теперь... он прекрасен. Как он красив!

У меня начинают дрожать ноги. Я не смогу. Я хочу убежать, спрятаться, но не нахожу в себе сил пошевелиться. И просто стою, словно выросла в землю.

Они идут в моем направлении, Рив обнимает Ренни за плечи. Я задерживаю дыхание и, пока Рив приближается, жду признаков узнавания с его стороны, чего-нибудь, чего угодно. Но ничего не происходит. Он проходит мимо, так близко, что мы почти соприкасаемся плечами. И он меня не замечает.

Я оборачиваюсь, уставившись ему вслед. Он что, не видел меня? Или его так отвлекала повисшая на нем Ренни? Или, может, он заметил меня, но я так изменилась, что он меня не узнал? Кого-кого, а меня-то он точно не ожидал увидеть в данный момент.

Потрясенная, я иду за ними в здание школы. Рив и Ренни исчезают в коридоре, скрывшись в толпе других учеников. Я не знаю, куда идти. Брожу по школе и вижу, как кто-то выходит из женского туалета. Я проскальзываю в закрывающуюся дверь.

Желудок сжимается. Я бегу в дальнюю кабинку и наклоняюсь над унитазом, кончики волос касаются воды.

Я делаю несколько глубоких вдохов. Вдох и выдох. Может, ни одна из моих догадок неверна.

Может, я недостойна того, чтобы меня помнить.

Глава четвертая

ЛИЛИЯ

Мы сидим за новым обеденным столом в нашей обычной компании: я, Ренни, Эшлин, Алекс, Рив, Пи-Джей, Дерек и еще пара ребят из футбольной команды. Мы унаследовали этот стол от прошлогодних выпускников. Это школьная традиция. Звездный стол, так называемый эпицентр действий. В последний учебный год самые крутые выпускники зовут самых крутых будущих выпускников и приглашают с ними пообедать. Это как передача факела популярности. Жаль только, что, по сути, стол этот такой же мерзкий, как и остальные столы в кафетерии.

Эшлин не умолкая рассказывает о сауне, которую установили ее родители, чем всех раздражает. В итоге я говорю:

– Эшлин, всем наплевать.

Ее губы сжимаются, глаза полны обиды. Мне становится не по себе, поэтому я добавляю:

– Шучу!

Ренни хватается пончик с сахарной пудрой с моего подноса и засовывает его в рот.

– Я думала, что во время тренировочного сезона ты не употребляешь углеводы, – говорю я и придвигаю поднос с обедом ближе к себе. У меня осталось всего три пончика.

Ренни корчит гримасу.

– После такого утра я заслужила утешение. Мне теперь, наверное, придется анализ на СПИД делать. Кто знает, что за бактерии кишат во рту у этой шлюхи! – Ренни смеется так, что я вижу ее белый от пудры язык.

Невероятно! Кэт Де Брассио плюнула Ренни в лицо. Конечно, это было отвратительно. Но Ренни сама напросилась. Я не могу поверить в то, что кто-то осмелился так ей ответить.

Рив пододвигает стул ближе к нам. Я слегка отстраняюсь. Похоже, утром он вылил на себя полфлакона одеколона. От этого запаха у меня болит голова. Он говорит, растягивая слова:

– Ренни, детка...

– Да, Рив, милый, – отвечает Ренни, играя волосами.

– Ты же моя женушка, да?

Фу.

– Конечно.

– А жена должна заботиться о своем муже!

Я строю Эшлин гримасу, будто меня тошнит. Та хихикает. Рив замечает это и отмахивается от меня рукой, а потом снова поворачивается к Ренни.

– В общем... Пожалуйста, ты можешь проследить за тем, чтобы в этом году мне досталась чирлидерша, которая знает, что делает? Seriously. Нельзя допустить, чтобы шестьдесят третий номер представляла просто симпатичная девчонка. Та, кому достанется эта должность, обязана быть постоянно в центре внимания и иметь полный набор.

– Что за полный набор? – мурлычет Ренни.

Рив загибает пальцы.

– Ритм, хорошая координация, достаточная гибкость, чтобы выполнять самые сложные элементы, а не только дурацкие колеса. Мне нужны сальто назад и прочий брейк-данс. Разнообразие. Ты понимаешь, о чем я?

– Я прекрасно понимаю, о чем ты, Рив, – говорит Ренни, ее глаза блестят. – Считаю, что я обо всем позаботилась.

Рив перегибается через стол и треплет ее за щеку.

Ренни со смехом сбрасывает его руку.

– Ну а ты, Алекс, кого хочешь?

– Мне все равно, – отвечает он и возвращается к разговору с Дерекком.

Ренни беззвучно говорит мне одними губами: «Что с ним такое?». Я пожимаю плечами. «ПМС», – шепчет она.

Она наклоняется и берет еще один пончик с моего подноса.

– Что скажешь, если я отдам Алекса Наде?.. Сама подумай. Если она отхватит себе выпускника, сразу заработает авторитет среди этих свинок-девятиклассниц.

Я вырываю пончик обратно.

– Да пожалуйста, мне все равно.

Я все еще переживаю из-за того, что сказала Наде сегодня утром. Может, это поднимет ей настроение.

– Значит, ты не против?

– С чего мне быть против?

Я знаю, к чему она клонит, но не хочу подыгрывать. Я уже тысячу раз говорила, что не вижу его в этом свете.

– Окей! – отвечает Ренни.

Я встаю из-за стола и направляюсь к автомату с газировкой, пока она не сказала что-нибудь еще.

Пытаюсь выбрать между виноградной содовой и колой, как вдруг Алекс подходит ко мне сзади.

– Привет, Линди! – говорю я, нажимая на кнопку с колой.

Мне вдруг приходит в голову, что Ренни донимает Алекса точно так же, как и меня. Наверняка она рассказывает ему тот же вздор: что я только о нем и мечтаю, что мы должны быть вместе.

Он сухо говорит:

– Это все, что ты можешь мне сказать: «Привет, Линди»? Ты не заметила, что я с субботы на тебя в обиде?

Я смотрю на него раскрыв рот. Что с ним такое?

– Поверить не могу, Лилия! – закипает он. – Вы с Ренни врываетесь ко мне домой, чтобы устроить вечеринку, разбрасываете повсюду свои чертовы блески, а через полчаса исчезаете, чтобы пойти на другую вечеринку. Что за фигня?

Никогда раньше не видела Алекса таким сердитым. Но он имеет право злиться. Мы не должны были вот так уходить.

– Прости, – шепчу я.

Он понятия не имеет, как искренне я на самом деле сожалею.

Алекс качает головой и поворачивается, чтобы уйти, но я хватаю его за рукав, притягиваю к себе и говорю:

– Не сердись.

Он смотрит на меня, но не вырывается.

– Когда вы придете, чтобы забрать все украшения и прочий хлам?

Я быстро говорю:

– Мы с Ренни приедем сегодня после кастинга в группу чирлидеров и все заберем.

Алекс ничего не отвечает. Он просто уходит. Не обратно за стол, а вообще из кафетерия.

Ренни вбила себе в голову, что мы должны устроить вечеринку в честь возвращения ребят. Выбрала тему – «подводный мир» – и сама решила нарядиться русалкой. Остальным выпускницам разрешалось надеть купальники, юбки из травы и гавайские бусы. Девчонки из десятых и одиннадцатых классов изображали сексуальных рыбачек. Мы разрешили Наде пригласить трех ее подружек, но они должны были одеться рыбками и постоянно ходить в лапах, иначе им пришлось бы уйти.

Было всего одно условие: я категорически запретила Наде пить. Она сразу же согласилась. Когда она пришла, точнее, приковыляла в ластах, одетая, как и ее подружки, в зеленые топ и шорты, я дала ей безалкогольную «пина коладу». Сама я тоже пила этот коктейль, хотя Ренни пыталась добавить туда ром из бутылок, спрятанных на заднем дворе.

Вечеринка имела успех. Из колонок гремела музыка, по всему газону мы разожгли гавайские факелы, все танцевали и плавали в бассейне. Даже парни прониклись атмосферой. Рив взял простыню с постели Алекса, обернулся в нее как в тогу и называл себя Посейдоном. В руки он взял грабли, которые служили трезубцем. Я была уверена, что он просто искал повод, чтобы снять футболку. На Алексе была рыболовная шляпа, а остальные парни надели плавки и обмазались кремом от загара.

На Ренни была узкая голубая юбка, бикини в виде ракушек и сетчатые чулки. В Интернете она заказала парик и хрустальную заколку в форме морской звезды, потратив на них карманные деньги, которые ей выдавали на неделю.

Я в красном слитном купальнике, коротких белых шортах и шлепках изображала спасателя Малибу. На шее у меня висел свисток, а к спине был привязан спасательный круг. Эшлин была медузой. Она надела широкую белую пляжную накидку поверх белого бикини и вплела в свои светлые волосы длинные полоски тонкой бумаги.

Когда мы с Ренни стояли у гриля и потягивали коктейли, глядя по сторонам, ко мне подошла миссис Линд и крепко меня обняла.

– Лилия, какая прекрасная идея! – она поцеловала меня в щеку. На ней был гавайский сарафан, а в волосах – цветок. – Сюрприз для Алекса!

Она ушла, чтобы принести еще шашлык из морепродуктов, а Ренни толкнула меня локтем.

– Видишь? Я же говорила, все будет отлично. И что ты так волновалась?

– Я не волновалась, – сказала я, поправляя спасательный круг. – Просто думаю, это немного странно: просить чью-то маму устроить вечеринку у них дома.

– Лил, – беззаботно ответила Ренни, – мама Алекса обожает тебя. Ты дочь, которой у нее никогда не было. Она подарила тебе на день рождения розовую сумочку от «Диор». Я посмотрела на сайте и говорю тебе: она далеко не дешевая, шестьсот долларов!

Месяц назад Ренни позаимствовала у меня эту сумочку, но так и не вернула. В любом случае она ей больше подходит.

Ренни уже наскучил разговор: она сканировала взглядом двор, расчесывая пальцами длинный белый парик.

– Какого черта здесь делает Тереза Круз? Я точно помню, что не приглашала ее. Ты только посмотри! Напялила юбку из травы и гирлянды. Здесь не гавайская вечеринка! – сердилась Ренни. – Вот дикарка! И я не понимаю, что не так с Ривом. Он с нами даже толком не поздоровался. А это, вообще говоря, для него вечеринка.

Я смотрела на Терезу в ее глупом наряде. Алекс перехватил мой взгляд и помахал мне. Он стоял с Ривом, Дерекком и своим дядей. Все, кроме Алекса, курили сигары. Я уже направилась к ним, но вдруг Ренни схватила меня за руку.

– О боже мой! – взвизгнула она, размахивая телефоном и сверкая глазами. – Он мне написал!

– Кто, Рив?

– Йен!

Йен – один из студентов, с которыми мы познакомились на пляже. Они с Ренни уже встречались на этой неделе. Они поужинали, но после этого он не давал о себе знать.

– У них вечеринка! Сегодня последний вечер аренды. Мы должны пойти!

– Прямо сейчас?

– Да!

Я рассмеялась:

– Рен, мы не можем уйти. Это наша вечеринка или ты забыла? Мы должны выносить капкейки, запускать фейерверки и все остальное.

Мы с Надей целый день украшали эти капкейки: добавили в глазурь голубой краситель и покрошили сверху крекеры, чтобы было похоже на песок.

Ренни надулась, выдвинув вперед нижнюю губу.

– Пожалуйста, Лил! Он такой классный и учится на медицинском! И я уже говорила тебе, что его друг Майк постоянно о тебе спрашивал. Давай просто пойдем и потусуемся там немного, а потом сразу вернемся. Никто и не заметит, что нас не было.

Я оглядела двор. Эшлин у бассейна играла в покер с ребятами. Дерек пытался подсмотреть ее карты, а она смеялась и отталкивала его. С таким вниманием со стороны Дерека она точно не заметит, что мы ушли.

Я спросила:

– А как же Надя?

– С ней все будет отлично. Смотри, она прекрасно проводит время.

Надя сидела с подругами у бассейна, болтая в воде ластами. Они хихикали и брызгались. Ренни потянула меня за руку и заговорила умоляющим тоном:

– Ну пожалуйста, Лил! Это мой последний шанс его увидеть. Они завтра уезжают. Сейчас или никогда!

Я вздохнула.

– Один час, и сразу же возвращаемся. Обещаешь?

Ренни радостно завизжала и обняла меня, но потом посмотрела на свой костюм русалки и нахмурилась.

– Нельзя идти в таком виде. Мы будем выглядеть как школьницы.

– В машине переоденемся, – поспешно ответила я.

У нас ушла бы целая вечность на то, чтобы ехать к Ренни домой и переодеваться там. А я хотела быстро сгонять туда и обратно, чтобы гости нашей вечеринки успели насладиться капкейками, хоть мы и испекли их из покупной смеси. Я специально не выставила их с остальной едой, потому что хотела торжественно раздать каждому лично.

Ренни пожала плечами.

– Ну ладно. Пойду, макияж поправлю. Встретимся в машине через две секунды.

Она побежала в дом, а я направилась к «джипу». Я копалась в своей большой сумке в поисках топа, который был на мне раньше, и вдруг почувствовала, как кто-то тянет меня за волосы. Я обернулась.

Рив.

Он протянул руку у меня над плечом и захлопнул дверцу машины.

– Куда это ты намылилась? – спросил он требовательно, наклоняясь ближе.

– Не твое дело.

– Да ладно! Скажи мне.

Я пыталась оттолкнуть его от «джипа», но он не двигался.

– Рив, отойди!

– То есть ты устроила парню вечеринку в честь его возвращения, а сама решила свалить? – Рив погрозил мне пальцем. – Плохая девочка, Чоу!

С этими словами он ушел.

– Я и не говорила, что хорошая! – крикнула я ему вслед.

Я открываю газировку и делаю глоток, возвращаясь к нашему столу. Я сажусь туда, где сидел Алекс, рядом с Пи-Джеем и Ривом. Рив смотрит на меня так же, как в тот вечер, подозрительно сузив глаза, и говорит:

– Теперь из-за чего дуешься, Чоу? Что пришлось самой покупать газировку?

– Заткнись!

– Девчонки вроде тебя... – начинает он, но, жестикулируя, случайно выбивает колу у меня из рук.

Газировка заливает мне весь свитер. Взвизгнув, я подпрыгиваю. Пи-Джей и Рив отодвигают стулья, чтобы не намочиться. Я чувствую, как через кашемировый свитер жидкость затекает мне в лифчик. На груди разрастается огромное коричневое пятно.

– Ты... ты мне свитер испортил!

– Спокуха, Лилия! Я случайно! – Рив подходит ко мне с салфеткой, пытаюсь промокнуть пятно.

Я отшатываюсь.

– Не трогай меня!

Рив ехидно отвечает:

– Ой, я забыл. Принцесса Лилия не позволяет к себе прикасаться, да?

Он мне подмигивает.

– Рив, отстань от нее, – говорит Ренни.

К глазам подступают слезы. Вытирая свитер, я наклоняю голову так, чтобы волосы упали на лицо. Говорю себе, что все хорошо. Просто Рив ведет себя как Рив. Он ничего не знает. Откуда ему знать? Ренни никому не сказала бы. Мы пообещали друг другу. Я пытаюсь сделать глубокий вдох, но воздух застревает в горле. Нижняя губа начинает дрожать. Нужно убираться отсюда, пока я не сорвалась перед всеми.

– К твоему сведению, этот свитер стоит триста долларов! Явно дороже твоего драндулета.

Я беру сумочку и бегу в женский туалет. Подхожу к раковине и включаю воду. Я не буду плакать. Не буду. Я не буду плакать в школе. Я не стану этого делать.

Но у меня нет выбора.

Я плачу так сильно, что дрожат плечи и дерет горло, и не могу остановиться.

Дверь открывается, и я ожидаю увидеть Ренни. Но это не она. Это Кэт Де Брассио. Она бросает сумку в раковину рядом с моей и поправляет челку перед зеркалом.

Я быстро брызгаю в лицо ледяную воду, чтобы скрыть тот факт, что я плакала. Но Кэт все видела. Она спрашивает меня своим неприветливым тоном:

– У тебя все нормально?

Я смотрю вперед, на свое отражение.

– Все отлично.

Сначала я познакомилась с Ренни, в очереди за попкорном в старом кинотеатре на Главной улице. Мне было десять, но я чувствовала себя очень взрослой, потому что стояла там одна с десятидолларовой купюрой в заднем кармане. Ренни сказала, что ей нравятся мои шлёпки. Они были лавандового цвета, в розовый горошек. Через несколько недель она познакомилась со мной. С тех пор мы дружили втроем. До появления Ренни и Кэт, приезжая на лето в Джар Айленд, я могла играть только с Надей. Теперь у меня появились две лучшие подруги.

Каждую пятницу мы оставались ночевать друг у друга, чередуя дома. Мы шпионили за старшим братом Кэт и играли с ее собакой, Шэпом. В квартире Ренни готовили карамельный арахис в микроволновке, а ее мама делала нам макияж. У меня дома Ренни и Кэт наперегонки плавали в бассейне, а я стояла в тени и была судьей. Мы играли с моим кукольным домиком в викторианском стиле, а потом, когда стали старше, снимали фильмы на папину камеру и показывали их маме и Наде за завтраком.

Раньше я ревновала, ведь в конце августа я уезжала из Джар Айленда, а Ренни и Кэт оставались вместе. Они были во многом похожи, обе бесстрашные. Я же была трусишкой. Кэт всегда меня так называла, когда я не хотела прыгать с самого высокого мостика, или держать

штурвал лодки ее отца, или идти гулять с парнями, с которыми мы познакомились на пляже. Но Ренни и Кэт за мной присматривали. С ними я чувствовала себя в безопасности.

Когда родители решили переехать сюда навсегда, моя мечта наконец-то сбылась. То лето должно было стать всего лишь разогревом перед всеми развлечениями, которые ждали нас в старшей школе. Но потом, в начале августа, Ренни убедила маму разрешить ей сделать операцию на носу. Я никогда не замечала, что у нее некрасивый нос, но Ренни показала мне горбинку, на которую раньше я не обращала внимания. Когда ей сняли повязки и шрамы зажили, она заявила, что в старшей школе мы обязательно должны стать популярными. Кэт ответила, что это глупо, Ренни разозлилась, и они снова поссорились. Я думала, все закончится через пару дней, как и все их размолвки, но даже неделю спустя Ренни продолжала сердиться. Она сказала, что Кэт незрелая, ничего не понимает и тянет нас назад.

Мы не сразу перестали общаться с Кэт. Мы вместе поехали на материк за покупками к началу учебного года, как и планировали. На день рождения Кэт мы пошли в кино. Ренни уперлась и хотела сидеть только рядом со мной, якобы для того, чтобы мы могли делиться печеньем, и это было неловко. После сеанса мы должны были остаться на ночь у Кэт дома. Но, когда мы выходили из кинотеатра, Ренни объявила, что плохо себя чувствует и не останется ночевать. Было очевидно, что она притворяется: актриса из Ренни ужасная. Я отвела Кэт в сторонку и сказала: «Я все равно могу пойти, если хочешь», но она ответила: «Забудь».

Я вернулась домой и начала обдумывать сложившуюся ситуацию, а потом обсудила ее с мамой. Рассказала ей, что Ренни и Кэт ссорились, Ренни больше не хочет дружить с Кэт и я разрываюсь между ними.

– Но если бы пришлось выбирать, я бы встала на сторону Ренни, – сказала я.

Мама ответила:

– Зачем же выбирать? Почему бы не попытаться их помирить?

– Сомневаюсь, что Ренни меня слушает, – вздохнула я.

– Можешь хотя бы попытаться, – настаивала мама. – Кэт через многое прошла. Ей нужны подруги.

Я почувствовала укол вины. Мама Кэт умерла в прошлом году после долгой, тяжелой болезни. Кэт не хотела об этом говорить, по крайней мере, со мной. Иногда она, правда, разговаривала с моей мамой, когда мы с Ренни болтали в моей комнате.

– Я попробую! – пообещала я маме.

И мне пришла в голову отличная идея. В честь первого учебного года я подарю Ренни и Кэт кулоны дружбы. Это сгладит все разногласия, и мы снова будем вместе.

Мы пошли в милый ювелирный магазинчик в Уайт Хэвене, где папа всегда покупал маме украшения на годовщину свадьбы, и выбрали одинаковые золотые цепочки со специальной подвеской для каждой из нас. Мне не терпелось вручить подругам черные бархатные коробочки. Я знала, что Ренни придет в восторг.

В первый учебный день мама Ренни должна была отвезти всех нас в школу. Она приехала, и я ожидала увидеть на заднем сиденье и Кэт. Они с Ренни жили на одной стороне острова, а я – чуть дальше.

Но Кэт там не было, только Ренни, в новой джинсовой мини-юбке с декоративными швами на задних карманах. Я забралась в машину и спросила:

– А где Кэт? Она что, заболела?

Ренни мотнула головой.

Увидев, что ее мама смотрит на нас через зеркало заднего вида, Ренни наклонилась ко мне и прошептала:

– Я не хотела ее подвозить. Она меня достала.

– Ты ей хотя бы сказала, что не приедешь? – прошептала я в ответ.

Что если Кэт будет ждать нас у дома? Вдруг она опоздает в первый же день в старшей школе?

– Сама сообразит, – ответила Ренни.

Она потрогала нос и обеспокоенно спросила:

– Припухлости больше не видно?

Я планировала вручить Ренни и Кэт их кулоны одновременно, но не утерпела и сразу же отдала Ренни ее подарок. Она была в плохом настроении, и я хотела это исправить, начав день с чего-нибудь приятного. Ренни так громко завизжала, что ее мама от неожиданности остановила машину. Ее кулон был в форме сердечка, мой – в виде миниатюрного золотого капкейка. Мы тут же их надели.

Кулон Кэт я положила ей в шкафчик. Она не стала покупать замбк, когда мы ездили за школьными принадлежностями. Сказала, что все равно забудет шифр. К тому же на острове никто не ворует, и бояться было нечего.

Позже в этот день я увидела Кэт в коридоре. У нее были красные глаза, и кулона на ней не было. Я выбрала для нее золотой ключик. Мне понравилось, какой он изящный, но одновременно простой и практичный. Прямо как Кэт.

Она прошла мимо меня.

Позже я пыталась заговорить об этом с Ренни, посмотреть, есть ли еще шанс вернуть все на круги своя. Но она отказывалась и категорически не хотела говорить о Кэт. Для Ренни все было кончено, стерто навсегда. Она хорошо умела вычеркивать из жизни то, что ей не нравится. Но я никогда раньше не видела, чтобы она вычеркивала человека.

Я вытираю лицо бумажным полотенцем, поворачиваюсь, чтобы выбросить его в мусор, и, стоя к Кэт спиной, говорю:

– Если честно, я никогда не считала, что у тебя воняет изо рта. Так, к сведению.

Я вдруг осознаю, что это первые настоящие слова, что я сказала ей за несколько лет.

Кэт пристально смотрит на меня, и я вижу, что она удивлена.

И вдруг из дальней кабинки раздается звук, резкий, короткий вздох, из тех, что непроизвольно вырываются из горла, когда пытаешься перестать плакать. Мы обе оборачиваемся.

– Кто там? – вскрикиваю я обеспокоенно, как будто меня застали за чем-то плохим.

– Эй! Кто это? – спрашивает Кэт.

Ответа нет. Тогда Кэт подходит к кабинке и пинком ноги открывает дверь.

Глава пятая

МЭРИ

Я сижу на сливном бачке унитаза, прижимая колени к груди.

Дверь кабинки широко распахивается. На меня пялится та самая девчонка, что плевалась сегодня утром. Рядом с ней стоит красивая азиатка, и на ее белом свитере расплылось огромное пятно.

– Ты кто? – спрашивает Кэт.

– Я Мэри, – я тяжело сглатываю. – Приятно познакомиться.

Кэт сухо отвечает:

– Мне тоже.

– Как вас зовут?

Похоже, этот вопрос обеих застает врасплох.

– Я Кэт, а это принцесса Лилия.

Азиатка награждает ее презрительным взглядом.

– Просто Лилия, – она щурится, глядя на меня. – Почему ты здесь прячешься?

– Э-э-э... просто так.

Мне неловко смотреть ей в глаза после того, как десять последних минут я слушала, как она плачет. Я не понимаю, откуда у такой красивой и популярной девчонки может быть причина для слез. Как бы то ни было, но это должно быть что-то серьезное.

Лилия перекладывает волосы через плечо.

– Ты явно чем-то расстроена. Или тебе просто нравится шпионить за людьми в туалете?

Кэт повисает на открытой двери.

– Дай угадаю. Ты все лето тусовалась с парнем, позволила ему зайти слишком далеко, а теперь он даже не помнит твоего имени?

– Ничего похожего, – отвечаю я, прикусив губу.

Я не уверена, что мне стоит разговаривать с этими девчонками. Утром я видела Лилию с Ривом. Она с ним дружит. А Кэт... она меня просто пугает.

– Я увидела кое-кого, кого знала раньше. Вот и все.

– Кого? – спрашивает Кэт, и по манере, с какой она опирается на дверь, я понимаю, что она не отпустит меня, пока я все не расскажу.

– Один парень, он... издевался надо мной, когда мы были в седьмом классе. Он буквально заставил всех ненавидеть меня. Из-за него нам с родителями пришлось переехать. В общем, я увидела его сегодня, впервые за четыре года, а он меня даже не узнал. После всего, что сделал.

Прядь волос падает мне на лицо. Яправляю ее за ухо.

– Сколько тебе лет? – спрашивает Лилия, в этот раз тише и мягче.

– Семнадцать.

Кэт продолжает допрос:

– Но ты с острова? В какую среднюю школу ты ходила?

– Я отсюда, но училась на материке, в Бель Харбор Монтессори.

Я каждый день плавала на пароме туда и обратно. Вместе с ним.

Кэт качает головой и говорит:

– Рив!

Я ошарашенно распахиваю глаза. Меня пугает, что она так быстро догадалась, но одновременно становится легче.

– Как ты узнала?

– А кто еще? – отвечает Кэт, открывая передо мной дверь кабинки. – Мы все тут давно знакомы.

Я слезаю с унитаза. Лилия возвращается к раковине и мочит бумажное полотенце.

– Ничего удивительного! Рив – недоразвитый неандерталец, – ворчит она, вытирая грудь. – Он испортил мне свитер!

С надеждой в голосе я говорю:

– Я думала, вы друзья. Я видела вас вместе утром.

Лилия вздыхает.

– Мы не друзья, но мы и не *не* друзья.

Кэт закатывает глаза.

– Отлично объяснила, Лилия!

Я поспешно говорю:

– Пожалуйста, не говори ему, что видела меня!

Не хватало только, чтобы Рив узнал, что я все еще из-за него плачу.

Звенит звонок, и Лилия достает из кармана шорт вишневый бальзам, намазывает нижнюю губу, затем сжимает губы и громко ими чпокает.

– Не волнуйся, я уже забыла, как тебя зовут, – говорит Лилия и смотрит на Кэт. – Мне надо бежать! – добавляет она и уходит.

Кэт смотрит ей вслед и, когда дверь закрывается, тихо спрашивает:

– Эй, Лилия тут что, плакала, да?

Я смотрю на свои сандалии. Это личное. Меня даже не должно было быть здесь.

– Она что-нибудь говорила? Из-за чего она была так расстроена?

– Нет, я ничего не слышала.

Кэт разочарованно вздыхает.

– Тебе куда сейчас, Мэри?

– Даже не знаю.

– Где твое расписание?

Я роюсь в сумке, но не могу его найти.

– Думаю, сейчас у меня химия.

Кэт смахивает челку с глаз и смотрит на меня.

– погоди, ты разве не в выпускном классе? Мы же закончили химию в прошлом году.

Я облизываю губы.

– Я сильно заболела к концу седьмого класса, поэтому отстала на год.

– Ого, жесть какая! Что ж, корпус естественных наук в восточной части здания. Тебе придется поднажать, чтобы успеть вовремя. – Кэт делает паузу. – Слушай, даже не думай переживать из-за этого придурка Рива. Карма – та еще стерва. Ему все втройне вернется.

– Не знаю, – вздыхаю я. – То есть да, хотелось бы верить. Но Рив выглядит вполне счастливым. Это я пряталась в туалете все утро.

– Он того не стоит, – уверяет меня Кэт. – Никто не стоит. Поверь мне.

С благодарностью я говорю:

– Спасибо, Кэт.

Она первая, кто действительно говорил со мной сегодня.

Я выхожу из туалета после Кэт. Она поворачивает налево и идет по коридору. Я смотрю ей вслед, незаметно, на случай, если она оглянется.

Она не оборачивается.

Глава шестая

ЛИЛИЯ

Девчонки в коротких шортах и топах, пришедшие на кастинг в группу чирлидинга, собрались на трибунах вокруг футбольного поля. Надя с парой подружек сидят в первом ряду. Я улыбаюсь ей, и она отвечает мне тем же. Я рада, что она больше не расстраивается из-за моего замечания о сальто назад.

Ренни с мисс Кристи, нашим тренером, стоят перед девочками, а мы с Эшлин сидим в стороне. Мы надели форму, чтобы показать остальным. Ренни – тоже. Это футболки без рукавов с вышитой на груди буквой «Д», плиссированные юбки с шортами под ними и гольфы с крошечными разноцветными мячиками. Должна признаться: я счастлива снова надеть форму.

Мисс Кристи убегает в тренерскую, чтобы сделать копии бланков родительских разрешений, и Ренни переходит к действию. Осматривая трибуны, она говорит низким голосом:

– Итак, теперь серьезно. Если вы хотите быть членом группы поддержки Джар Айленд Хай, то должны выглядеть и вести себя соответственно, причем постоянно. Вы представляете не только себя, но и меня. Вы – моя команда. У меня высокие стандарты. – Ренни делает паузу для большего эффекта. – Будем надеяться, что в этом сезоне мы получим новую форму и это будут короткие топы. А значит, я не хочу видеть ни одной жареной картофелины у вас за обедом. Я серьезно. И еще, Дори, – говорит Ренни, и Дори испуганно поднимает на нее глаза, – ты должна попрощаться с этой курткой. В ней ты выглядишь как футбольная мамочка, а не чирлидерша.

Я охаю, а Эшлин хихикает, закрывая рот рукой.

Девочки нервно перешептываются. Ренни оглядывается через плечо, чтобы убедиться, что мисс Кристи еще не возвращается, и резко говорит:

– Я разве сказала, что закончила?

Все замолкают.

– У нас не может быть слабых звеньев. Это значит: если ваша подруга делает что-то не так, скажите ей об этом. Например, Мелани! Ты должна вызубрить три этих слова: очищение, тоник, увлажнение.

Глаза Мелани наполняются слезами, но она быстро кивает.

Я сижу и не верю своим ушам. То есть да, у Мелани плохая кожа, но разве обязательно говорить об этом при всех? Я смотрю на Эшлин, надеясь на солидарность, но она пожимает плечами и шепчет:

– Не поможет. Бедняжку надо отправить к дерматологу.

Ренни указывает пальцем на Надю.

– Я хочу, чтобы все посмотрели на Надины ноги. У всех должен быть именно такой тон загара. Если нет, сходите к Бекки, в салон «Мистик Бич» на Сэндтреп-стрит. Она творит чудеса.

Моя сестра светится гордостью, но скромно опускает голову.

– И я говорю не только с девятиклассницами! – Я вижу, как Ренни сканирует взглядом присутствующих девчонок из десятых и одиннадцатых классов. Я точно знаю, кого она ищет: Терезу Круз. – Не устраивайтесь слишком удобно только потому, что вы старше. Каждая должна заслужить свое место. Я без колебаний сброшу любой балласт, если это пойдет на благо команде.

Мисс Кристи выходит из металлических дверей, я кашляю и подаю Ренни знак округлиться.

Наконец она улыбается.

– Это ваш последний шанс, девочки! Если думаете, что не справитесь, лучше уходите прямо сейчас.

Никто не двигается с места.

В раздевалке только мы с Ренни. Мы снимаем форму и переодеваемся в свои вещи. Эшлин и мисс Кристи заставили остальных девчонок бегать вокруг футбольного поля.

Я натягиваю свитер через голову и говорю:

– Поедем прямо отсюда к Алексу? Сегодня за обедом он был очень расстроен.

– Из-за чего?

– Из-за того, что мы ушли с его вечеринки, – отвечаю я, и Ренни бледнеет. – Я сказала ему, что мы зайдем после тренировки, чтобы убрать все украшения и привести в порядок домик у бассейна.

– Рив тоже там будет?

Я кисло говорю:

– Надеюсь, что нет.

Я наклоняюсь и снимаю кроссовки.

– Ты слышала, как за обедом Рив, не умолкая, рассуждал о том, кто должен стать его чирлидершей? – спрашивает Ренни.

Я не отвечаю, и она продолжает:

– Думаю, он таким образом пытался попросить меня. В том смысле, что это же очевидно, да? Капитан для капитана.

Я стягиваю волосы в хвост.

– Но разве он не провел все лето с Терезой Круз?

Ренни сухо смеется.

– Ой, ну погуляли пару раз, подумаешь! К тому же ты видела ее бедра? Она едва может скрестить ноги, тем более сесть на шпагат. Ты действительно думаешь, что Рив захочет, чтобы его представляла такая чирлидерша?

– Не знаю, – я затягиваю хвост еще сильнее.

– «Не знаю»?

– Я думаю, Тереза красивая.

Ренни смотрит на меня как на сумасшедшую, но я не обращаю внимания и спрашиваю:

– Ну так что, ты поедешь со мной?

Ренни закатывает глаза.

– У Линди есть служанка. Мы ему не нужны.

– Правильно говорить не «служанка», а...

– Вот только не надо читать мне лекцию по терминологии богачей! – перебивает она меня, надевая топ.

Пока я снимаю носки и надеваю сандалии, сердце чуть не выскакивает из груди. Ренни собирает вещи, даже не взглянув на меня.

– Рен, я знаю, ты еще расстроена из-за того, что случилось с Кэт этим утром...

Не успеваю закончить, как Ренни смотрит на меня мертвым взглядом и говорит:

– Как будто мне есть дело до этой психованной.

Потом она выходит из раздевалки, даже не попрощавшись.

К тому времени, как я подхожу к парковке, ее «джипа» там уже нет. Мне приходится выслеживать Эшлин, чтобы она подбросила меня к Алексу.

Эш подвозит меня до дома Алекса. Я с облегчением выдыхаю: машины миссис Линд нет на подъездной дорожке. Я надеялась, что ее не будет дома, а то вдруг она тоже на меня сердится.

Отстегивая ремень, я говорю:

– Спасибо, что подобрала, Эш!

– Без проблем, Лилс. Прости, что не могу помочь тебе прибраться! – говорит она, изображая грустное лицо. – Я обещала маме поехать с ней в парикмахерскую. В прошлый раз ее там постригли как старуху.

– Ничего страшного, – отвечаю я.

Я не рассказала ей о нашей с Ренни ссоре. Это только между нами.

Я выпрыгиваю из машины и машу Эшлин вслед. Вместо того чтобы войти в парадную дверь, иду прямо к заднему двору. Алекс сеткой очищает бассейн, пытаюсь выловить из воды красный пластиковый стаканчик.

– Привет! – говорю я.

Он испуганно поднимает голову.

– А Ренни где?

Обычно я бы выдумала ей оправдание, но сегодня просто пожимаю плечами.

Я начинаю собирать гавайские факелы и бумажные пляжные фонарики, которые мы развесили по двору. Я никак не смогу унести все это домой. Если Алекс хочет избавиться от этих вещей, ему придется меня подбросить. Хотя он все еще кажется сердитым.

– Тебе достался хотя бы один из моих капкейков? – спрашиваю я.

– Да. – Алекс сидит в шезлонге, уставившись в телефон.

– Понравилось?

– Ничего так, – отвечает он.

– Тебе попался обычный или с мармеладной рыбкой? Я положила их в несколько капкейков.

Алекс наконец-то смотрит мне в глаза.

– Я съел три, и, думаю, в одном была рыбка, – говорит он более теплым тоном.

Слава богу! Я слегка улыбаюсь.

– Круто! Э-э... пить хочется. Можно мне газировки?

Алекс кивает головой в сторону домика у бассейна.

– Сходи и возьми.

Окей. Что ж, видимо, мне придется тащить все барахло домой на собственном горбу.

Домик у бассейна – это фактически квартира Алекса, состоящая из гостиной, кухни и огромной спальни. Он обустроил его как холостяцкую берлогу в стиле Джеймса Бонда. Черный кожаный секционный диван, большой телевизор на стене, настоящий автомат с колой у бара. И у него есть кладовка с закусками, которую его мама заполняет печеньем, чипсами и всем, чего только можно пожелать.

Дверь в спальню открыта, и я вижу одну из наших пластиковых пальм, слутую и висящую на спинке стула. Его комната обычно чистая, но сегодня здесь беспорядок. Кровать не убрана, на полу одежда.

Я иду, чтобы взять пальму, и вдруг останавливаюсь. Около кровати кучей свалена одежда, а на самом верху лежит зеленый топ. Я наклоняюсь, чтобы подобрать его.

Майка моей сестры, та, что она надевала на вечеринку, часть ее костюма рыбки. Я знаю, потому что у меня точно такая же, того же бренда, только на размер больше. На груди засохшее розовое пятно – клубничное дайкири. Я его нюхаю: ром.

Выхожу из домика с майкой в руках. Увидев, что у меня в руке, Алекс широко раскрывает глаза.

– Откуда у тебя Надина майка? – спрашиваю я его.

– О... на нее кто-то что-то пролил. Я дал ей одну из своих домашних футболок, – отвечает он.

Внезапно мне становится тяжело дышать.

– Надя пила?

Я велела ей не пить, запретила.

– Она не делала никаких глупостей, надеюсь?

– Например? Типа уехать неизвестно куда и неизвестно к кому? – Алекс мотает головой. – Нет, ничего такого она не делала.

Кровь отливает у меня от лица. Он говорит о Наде... или обо мне?

Алекс уходит и начинает загружать украшения в багажник машины. Я беру столько гавайских факелов, сколько могу унести, и следую за ним. Он ничего не говорит, и я – тоже.

Глава седьмая МЭРИ

Я сижу на кровати и рассматриваю старый фотоальбом, который нашла в подвале. С каждой перевернутой страницей я становлюсь взрослее. Вот я перед крепостью из простыней свечу фонариком себе в лицо. Это я на заднем дворе, взлетаю на качелях, сделанных из подвешенной к дереву шины; мои волосы почти белые от солнца. Тут мы с папой, у нас на головах огромные шапки из водорослей. А здесь я в столовой, играю на кларнете для родителей и тети Бэтт.

Альбом заканчивается снимком, где я позирую рядом с кустом сирени в первый учебный день в седьмом классе. На фото я стою на цыпочках и нюхаю цветы.

Неудивительно, что Рив не узнал меня утром. В то время меня можно было описать только одним словом: жирная.

Весь класс говорил о новом ученике-стипендиате. Школа Бель Харбор Монтессори на материке была очень маленькой. В седьмом классе училось всего двадцать ребят, и я была единственной с Джар Айленда. За обедом мальчишки спорили, каким надо быть умным, чтобы получить стипендию, и в этот момент вошел Рив.

Все смотрели, как он продвигается в очереди за едой. Моя подруга, Энн, наклонилась и сказала:

– А он милый, скажи?

– Он ничего, – прошептала я в ответ.

Рив был гораздо выше всех ребят в нашем классе. Но не долговязый, скорее, мускулистый. Наверное, в своей бывшей школе он занимался спортом. У нас в Монтессори не было физкультуры. У нас даже не было большой перемены, если не считать прогулок по лесу, на которые нас иногда водили.

Учитель помахал Риву и показал, где сидит наш класс.

– Привет! – сказал он скучающим голосом и плюхнулся на свободный стул. – Я Рив.

Некоторые пробубнили «привет» в ответ, но большинство промолчало. Думаю, мы все отреагировали на его апатичное поведение. Он не очень-то хотел учиться в нашей школе. Наверняка у него много друзей там, откуда он перевелся.

Мне стало его жаль. Рив ковырялся в своем сэндвиче и ничего не говорил. Сложно, должно быть, переходить в новую школу. Я никогда не меняла место учебы, ходила в Бель Харбор Монтессори с детского сада.

Обед закончился, и все встали. Я заметила, что Рив смотрит по сторонам, не зная, куда деть остатки еды, и потянулась к его подносу, чтобы выбросить их за него. Не знаю, почему. Просто хотела помочь, наверное. Но он отдернул поднос, прежде чем я успела его коснуться, и громко сказал:

– Ты что, не наелась?

Услышав это, ребята разразились смехом. Думаю, я тоже засмеялась только потому, что он застал меня врасплох. Энн скорчила гримасу, в которой не было ни доли симпатии, только презрение. И эта ее ухмылка предназначалась не Риву, а мне.

Рив смеялся громче всех. Он первым вышел из-за стола, и все последовали за ним, несмотря на то что он даже не знал, где наш класс. Поднос он оставил на столе.

В итоге я все равно отнесла его поднос вместе со своим.

До появления Рива я была одной из самых сильных учениц в классе, особенно по математике. Я была скромной, но дружелюбной, немного социально неадаптированной длинноволосой блондинкой с острова. Но после Рива я превратилась в толстуху.

Я закрываю альбом. Я уже не та девчонка. Я давно изменилась. Но, когда вернулась на Джар Айленд, увидела Рива, мои старые фотографии, плюшевые игрушки и другие вещи, почувствовала себя в прошлом.

Я слышу, как внизу тетя Бэтт тихо моет посуду.

Ужин сегодня прошел, мягко говоря, неловко. Утром я представляла, как буду рассказывать тете Бэтт каждую деталь моего эпичного первого дня: какое выражение лица было у Рива, когда он снова меня увидел, как он пытался со мной заговорить, как расспрашивал, где я была четыре последних года. Она разрешила бы мне выпить вина, и мы подняли бы бокалы за начало прекрасного нового учебного года.

Но поскольку ничего из этого не случилось, мне было нечего рассказывать тете Бэтт. Разумеется, есть мне тоже не хотелось. Тем не менее было бы грубо встать из-за стола, так что я просто молча сидела, пока она накручивала спагетти на вилку и читала журнал по искусству.

Внутри меня разрастается пустота, бездна. Ужасно хочется поговорить с мамой и папой, услышать их голоса. Возможно, они попытаются убедить меня вернуться домой, и, может быть, я соглашусь.

Пять следующих минут я меряю комнату шагами, подняв телефон над головой и пытаюсь поймать сигнал, чтобы позвонить родителям. Но сеть не ловится. Когда мы жили здесь раньше, сотовой связи на Джар Айленде практически не существовало. Было несколько отдельных точек, где можно было поймать сигнал, например, около маяков, или иногда на парковке лютеранской церкви, но по большей части Джар Айленд был зоной, свободной от мобильных телефонов. Видимо, это не изменилось.

Внизу, на кухне, есть стационарный телефон, но я не хочу говорить с родителями перед тетей Бэтт: я могу расплакаться.

Я слышу, как тетя поднимается по лестнице. Выглядываю из комнаты и вижу, что она проходит в свою спальню.

Попытаюсь поговорить с ней. Раньше я могла доверить ей все что угодно. Всегда, когда она приезжала на лето, мы спускались с холма и покупали горячий шоколад на Главной улице, даже в августе. Тетя Бэтт рассказывала мне о вещах, которые свели бы с ума моих родителей: о том, как она месяц жила в Париже с женатым мужчиной, или о серии картин, где она изобразила себя обнаженной. Тетя Бэтт прожила миллион и одну жизнь. Она наверняка может дать хороший совет.

Тетя уже в постели. Глаза закрыты. Но, видимо, она слышит меня, потому что внезапно открывает их.

– Мэри!

Я захожу в комнату и наклоняюсь над ее кроватью.

– Ты спишь?

Она трясет головой и моргает.

– Разве похоже, что я сплю?

Несмотря на то что мне хочется плакать, я смеюсь.

– Я тебе помешала?

– Нет, что ты. – Она садится. – У тебя все нормально?

Я делаю глубокий вдох и пытаюсь совладать с собой.

– Странно было вернуться.

– Да... еще бы.

– После всего, что случилось, я не уверена, что мое место здесь.

Тихим голосом тетя Бэтт говорит:

– Это твой дом. Где еще твое место?

– Нигде, наверное.

– Я по тебе скучала, Мэри! – по ее лицу расплывается улыбка. – Я рада, что ты здесь.

– Я тоже, – вру я.

Затем возвращаюсь к себе в комнату и залезаю в постель.

И еще долго не могу уснуть.

Глава восьмая

ЛИЛИЯ

Мама в спальне, говорит с папой по телефону, а мы с Надей внизу, смотрим телевизор, поедая на двоих пинту мороженого с вареной сгущенкой. Сначала, когда я спросила, хочет ли она немного, Надя сказала «нет», хотя это ее любимое. Я знала, что она думала о наставлениях Ренни на тренировке группы поддержки. Я принесла картонное ведро на диван, и она смотрела, как я слизываю мороженое с крышки.

– Совсем чуть-чуть, – сказала она наконец. Я знала, что так и будет. Все женщины в нашей семье – сластены.

Звенит сушилка, и я ставлю на паузу сериал, который мы смотрели. Иду в комнату для стирки, забрасываю чистую одежду в корзину и приношу ее в гостиную.

Я положила в сушилку специальные салфетки для сушки, и теперь одежда пахнет так уютно. Зарываюсь лицом в футболку и вдыхаю ее тепло. Начинаю складывать стопку футболок и тут вижу Надину майку. Я нанесла пятновыводитель там, где был след от клубничного дай-кири, и оно отстиралось. О своем кашемировом свитере я даже не подумала. Просто положила его в мешок для химчистки с надеждой на лучшее.

– Вот твоя футболка, – говорю я, передавая ее сестре.

Надя бледнеет.

– М-м, спасибо.

– Я отстирала пятно, – добавляю я, внимательно глядя на нее. – Алекс сказал, кто-то в тебя врезался и облил алкоголем.

– Да. – Надя откусывает большой кусок от мороженого, избегая смотреть мне в глаза.

– А где футболка Алекса? Я искала ее у тебя в комнате, чтобы постирать и вернуть ему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.